

DOI: [10.14515/monitoring.2022.2.2078](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2078)

Е. Л. Омельченко, И. В. Лисовская

МОЛОДЕЖЬ КАК БАРОМЕТР БУДУЩЕГО? МОЛОДЕЖНАЯ ПОВЕСТКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ СКВОЗЬ МНЕНИЯ ЭКСПЕРТОВ ПО МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКЕ

Правильная ссылка на статью:

Омельченко Е. Л., Лисовская И. В. Молодежь как барометр будущего? Молодежная повестка в современной России сквозь мнения экспертов по молодежной политике // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 66—92. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2078>.

For citation:

Omelchenko E. L., Lisovskaya I. V. (2022) Youth as a Barometer of the Future? The Youth Agenda in Contemporary Russia as Viewed by Youth Policy Experts. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 66–92. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2078>. (In Russ.)

МОЛОДЕЖЬ КАК БАРОМЕТР БУДУЩЕГО? МОЛОДЕЖНАЯ ПОВЕСТКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ СКВОЗЬ МНЕНИЯ ЭКСПЕРТОВ ПО МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКЕ

YOUTH AS A BAROMETER OF THE FUTURE? THE YOUTH AGENDA IN CONTEMPORARY RUSSIA AS VIEWED BY YOUTH POLICY EXPERTS

ОМЕЛЬЧЕНКО Елена Леонидовна — доктор социологических наук, профессор, директор Центра молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: omelchenkoe@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5951-3682>

Elena L. OMELCHENKO¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor, Director of the Centre for Youth Studies
E-MAIL: omelchenkoe@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5951-3682>

ЛИСОВСКАЯ Ирина Викторовна — кандидат социологических наук, младший научный сотрудник Центра молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: ilisovskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6495-1970>

Irina V. LISOVSKAYA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Junior Research Fellow, Center for Youth Studies
E-MAIL: ilisovskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6495-1970>

¹ HSE University in St. Petersburg, Saint Petersburg, Russia

Аннотация. Молодежная политика как сфера государственного управления — это национальный проект, опирающийся на поколенческий контракт: государство конвертирует доступные ресурсы в социализацию молодежи, обеспечивая будущее развитие общества. В формировании молодежной повестки участвуют работники разных ведомств и институтов, задачи которых включают в себя и сопряженные с молодежью вопросы. В зависимости от приоритетов, молодежь может рассматриваться как ресурс, объект или значимый агент/субъект/активный участник социальных изменений. Степень агентности различных молодежных групп, их возможности (права) влиять на принятие основных решений может определяться

Abstract. Youth policy as a sphere of state administration is a national project based on a generational contract between the state and the youth. The state converts available resources into the socialization of the youth, ensuring the future development of the national state and society. The formation of the youth agenda involves employees of various government agencies and institutions whose tasks include youth-related issues. Depending on priorities, youth can be seen as a resource, an object of the national state, a significant agent, a subject, and an active participant in social change. The degree of agency of various youth groups and their opportunities (rights) to influence significant decisions can be defined differently by

экспертами по-разному, что формирует отличающиеся и противоречивые прочтения молодежной политики государства и ее ключевых проектов. Задача статьи — с опорой на анализ экспертных интервью ($N = 30$) реконструировать представления экспертов о месте и роли современной молодежи в будущем страны, а также о ключевых вопросах молодежной повестки в целом. В статье предложена интерпретация трех экспертных позиций, между которыми найдены линии напряжения и противоречия. Первая — оптимистический взгляд на будущее России, место и роль молодежи в его приближении, восприятие отношений государства в лице молодежной политики и молодежи как сбалансированного диалога. Этот подход характерен для руководителей молодежной политики высшего звена, а также руководителей НКО из «центра». Вторая — умеренно тревожный взгляд на молодежь и будущее страны, разделяемый руководителями госорганов, специализирующихся на молодежной политике, и НКО в регионах. Третья экспертная позиция сопряжена с критическим и скептическим отношением к ключевым программным документам молодежной политики и государственной риторике в отношении молодежи. Ее разделяют эксперты на местах — сотрудники муниципальных органов и региональных НКО, а также исследователи молодежи (как из центра, так и из регионов). В статье предложен анализ линий напряжения между условными кластерами экспертных оценок: от центра к периферии, от высшего звена руководителей молодежной политики и подведомственных органов к работникам на местах, от ученых — до практиков, от государственных структур — к НКО.

experts, which forms different and contradictory visions of state youth policies and, accordingly, key projects aimed at the future of both the country and the youth. Based on the analysis of expert interviews ($N = 30$), the article aims to reconstruct the perceptions of the place and role of contemporary youth in the country's future and the critical issues of the youth agenda as a whole. The article suggests an interpretation of three divergent expert positions, among which tension and contradiction are found. The first is an optimistic view of the future, where the relationship between the state, represented by the Youth Policy, and the youth is considered a balanced dialogue based on a shared vision of Russia's bright future and the place and role of youth in bringing it closer. This approach is typical of upper-level Youth Policy leaders and NGOs management located in the Capital. The second is a moderately worried view of youth and the country's future, shared by the heads of state Youth Policy agencies and NGOs in the regions. The third expert position may be described as a critical and skeptical attitude toward the key program documents of the Youth Policies and state rhetoric regarding youth. It is shared by experts in the field — employees of municipal agencies and some regional NGOs and youth researchers from both the center and the regions. The article analyzes the lines of tension between conditional clusters of expert evaluations: from the center to the periphery, from the high-rank executives of the Youth Policy and subordinate bodies to local experts, from scholars to practitioners, from state structures to NGOs.

Ключевые слова: молодежная повестка, эксперты по молодежной политике, молодежь России, патриотизм, социальное включение, будущее

Keywords: youth agenda, youth policy experts, youth of Russia, patriotism, social engagement, future

Благодарность. В статье используются результаты проекта «Антикризисный потенциал молодежных политик в России и Европе в эпоху глобальных рисков: национальное воображаемое, патриотизм и социальная вовлеченность», поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований совместно с Институтом экспертных социальных исследований, проект № 20-011-31412. Также в данной научной работе использованы результаты проекта «Взросление российской молодежи в 21 веке: поколенческий анализ», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020—2022 году. Авторы используют результаты дискурс-анализа для выделения этапов становления молодежной политики России.

Acknowledgments. The article utilizes the results of the project “Anti-crisis Potential of Youth Policies in Russia and Europe in the Era of Global Risks: National Imaginary, Patriotism, and Social Engagement”, which was supported by the Russian Foundation for Basic Research and Social Research Expert Institute (EISI). Project number: 20-011-31412. The results of the project “Transition to Adulthood Among Russian Youth in the 21st Century: Generational Analysis” carried out within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2020–2022 are presented in this work. The authors use the results of discourse analysis to highlight the stages of formation of the youth policy in Russia.

Выражаем признательность нашим коллегам Алине Майбороде, Анастасии Саблиной, Юлии Епановой, Дмитрию Омельченко, Святославу Полякову, Искандеру Ясавееву, участвовавшим вместе с авторами в сборе интервью и анализе исследовательских материалов.

We are thankful to our colleagues Alina Mayboroda, Anastasia Sablina, Yulia Epanova, Dmitry Omelchenko, Svyatoslav Polyakov, and Iskander Yasaveev, who participated together with the authors in collecting interviews and analyzing research materials.

Введение: как менялись фокусы российской молодежной политики

К пониманию молодежной политики (далее — МП) можно подходить с разных сторон: формально-структурной, законодательной, академической, медийно-информационной. МП можно изучать по реакциям молодежи на проводимые инициативы, по формам вовлеченности молодежи в реализуемые проекты или оценкам их эффективности. Задача этой статьи состоит в том, чтобы посмотреть на МП, опираясь на мнения экспертов, их представления о будущем страны, месте и участии молодежи в этом будущем, а также показать, на достижение каких целей ориентирована их работа.

Прежде чем перейти к сегодняшнему дню, обратимся к этапам смены повестки МП в течение последних 30 лет. Достаточно условно можно выделить четыре этапа.

Первый — молодежь как проблема (конец 1980-х — начало 2000-х годов). МП складывается стихийно и спонтанно в ситуации глубокого экономического кризиса 1990-х гг. Молодежные движения, субкультурные активности развиваются вне и независимо от государственного контроля и патронажа. Ключевым направлением работы был курс на предотвращение криминализации молодежи, а молодежный вопрос формулировался исключительно в проблемном ключе [Омельченко, 2004; Стивенсон, 2000; Silvan, 2018, 2019]. Целевые государственные программы были ориентированы на выравнивание социального положения молодежи и молодой семьи, предотвращение криминализации, безнадзорности и наркопотребления¹.

Второй — мобилизационный (2001—2010 гг.). С начала нового тысячелетия заметно актуализируется внимание к молодежному вопросу: государство берет молодежь в свои руки, начинается эра молодежной мобилизации и реализации массовых молодежных проектов. В 2001 г. выходит Концепция государственной молодежной политики, приоритетами которой становятся патриотическое воспитание, межнациональное согласие, ключевая ценность семьи [Андрюшина, Панова, 2017]. Федеральные целевые программы переориентируются на развитие молодежного потенциала с акцентом на патриотическое воспитание². С середины нулевых годов в стратегических документах появляются цели, связанные с формированием гражданской идентичности и навыков самостоятельного противостояния угрозам и рискам современности³. Развивая масштабные молодежные проекты, получающие административную и финансовую поддержку, государство стремится сформировать институт гражданских активистов, лояльных генеральной политической линии, способных в случае необходимости мобилизовать молодежь на противостояние угрозам «оранжевых революций» для обеспечения национальной безопасности страны [Nemment, 2012, 2015; Кривонос, 2015; Омельченко, 2020; Кравцова, 2019; Silvan, 2019].

Третий — патриотический (2010—2014). Ключевые трансформации целей и акцентов МП можно проследить по изменениям риторики и практик патриотического воспитания. После известных политических событий 2010 г. на Манежной площади в Москве патриотическое воспитание приобретает новые смыслы. Противоречивые прочтения патриотизма, пронационалистические и агрессивные демонстрации патриотических чувств создавали крайне конфликтное, дискуссионное пространство между разными молодежными группами и государством. Патриотизм становится ведущим национальным вопросом и ключевым

¹ Федеральная программа «Молодежь России. 1994—1997» // Управа района Кунцево города Москвы. URL: https://kuntsevo.mos.ru/socsp/ukaz_o_molodegi.php (дата обращения: 13.04.2022); Федеральная целевая программа «Молодежь России (1998—2000 годы)» // Консорциум «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/9044318> (дата обращения: 13.04.2022).

² Федеральная целевая программа «Молодежь России (2001—2005 годы)» // Консорциум «Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/901778285> (дата обращения: 13.04.2022).

³ Распоряжение Правительства РФ от 18 декабря 2006 г. № 1760-р «Об утверждении Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации» (с изменениями на 16 июля 2009 г.) // Консорциум «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/902020299> (дата обращения: 13.04.2022).

направлением заботы в рамках государственной политики в целом [Омельченко, 2012]. В ответ на кризис доверия молодежи к власти меняются формы патриотического воспитания, усиливаются милитаристские интонации, появляется лейтмотив «внешней угрозы» и «защиты» молодежи от нее [Ясавеев, 2016: 54—56], дается старт активному развитию военно-патриотических клубов, отрядов поисковиков, в которые вкладываются смыслы «настоящего патриотизма», «укрепления страны», «Гордости Отечеством», «воспитания», «героизма» [Гончарова, Ясавеев, 2020: 167].

Четвертый — стратегический (2014 — февраль 2022). Определяющий поворот в воспитательной парадигме МП связан с введением в базовые формулировки целей работы с молодежью понятия «традиционные ценности», что непосредственно связано с серьезными изменениями государственной риторики и практики.

В действующем официальном документе, принятом в 2014 г., молодежь России рассматривается как ресурс развития общества, основной носитель «инновационного потенциала развития», «стратегическое преимущество» страны. Цели МП оказываются непосредственно вписанными в образ будущего страны: «достижение устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности страны, а также упрочение ее лидерских позиций на мировой арене»⁴. Согласно программным документам, ведущая идея современной МП закрепляется через лейтмотив воспитания: молодежь неявно представляется как нуждающаяся в воспитании и просвещении. В российском нормативном дискурсе основной целью МП становится мобилизация молодежи и тех ресурсов, которыми она обладает, на благо развития потенциала страны.

В новом федеральном законе «О молодежной политике в Российской Федерации», принятом в 2020 г.⁵, верхняя граница молодежного возраста повышается до 35 лет, что одновременно продлевает период перехода во взрослость и расширяет целевую аудиторию влияния⁶.

Поиск «идеальной» российской модели МП продолжается до сих пор. В переговоры государства с молодежью и обсуждения молодежного вопроса включенными агентами врывается реальность с событиями разного масштаба, меняя актуальную повестку, а также требуя новых ответов и решений. Так, например, национальные и глобальные кризисы, особенно пандемия COVID-19, крайне актуализируют вопрос о потенциале национальных государств солидарно противостоять масштабным угрозам, находить общий язык с молодежью в определении не только будущего своей страны, но и мира в целом.

Самым дискуссируемым моментом в рамках российских дебатов о молодежной политике остается ресурсный подход государства к молодежи, где МП представляется в качестве инструмента мобилизации молодого поколения для продвижения национальных проектов [Смирнов, 2014; Тарцан, 2010]. На моло-

⁴ Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Российская газета. 2014. 8 декабря. URL: <https://rg.ru/2014/12/08/molodej-site-dok.html> (дата обращения: 15.04.2022).

⁵ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Российская газета. 2021. 11 января. URL: <https://rg.ru/2021/01/11/molodez-dok.html> (дата обращения: 15.04.2022).

⁶ Принятие закона вызвало широкую общественную дискуссию с участием ученых, работающих в сфере молодежных исследований. Особую критику вызвали новые определения возраста молодежи, исключение слова «государственная» из словосочетания «государственная молодежная политика» (как сигнала о снятии государством с себя ответственности за будущее), акцентирование МП на работе с ресурсными группами — молодыми лидерами.

дежь возлагается особая ответственность за будущее страны и ее «историческое предназначение» в перспективе политических целей государства [Меркулов, Бакалдина, Елисеев, 2015].

Продолжает обсуждаться присущий МП контекст проблематизации, когда молодежь рассматривается в качестве источника опасности и для самой себя, и для государственного благополучия с акцентом на наркоманию, алкоголизм, экстремизм, правонарушения [Griffin, 1997; Омельченко, 2004; Ясавеев, 2016; Лисовская, 2019]. Молодежные активности воспринимаются как угроза стабильности общества, что ведет к ужесточению контроля и усилению репрессивной политики государства, снимающего с себя ответственность за недостатки в социальной политике [Ярская, Ловцова, 2010: 156].

Обращаются российские исследователи и к историческим периодам формирования МП [Ильинский, Луков, 2008; Луков, Погорский, Тихомиров, 2011]. Одни ученые ностальгируют по «уникальному» опыту СССР, считая успешной ролевой моделью комсомол [Андрюшина, Панова, 2017; Меркулов, Бакалдина, Елисеев, 2015]. Другие критикуют опыт централизации МП и считают наиболее удачной модель середины 1990-х гг., отмечая в качестве ее плюсов баланс вовлеченных акторов и институтов [Криворученко, 2013]. Часть зарубежных исследователей считают, что МП после распада СССР в целом перестала быть государственным приоритетом [Henderson, 2011], что способствовало появлению целого «потерянного» поколения молодежи [Pilkington, 2002].

Назад в будущее или вперед в прошлое?

Поиск ориентиров развития национальных политик не ограничивается только вопросами молодежной повестки, но именно с молодежью чаще всего связываются надежды на «светлое будущее», что особенно характерно для российского опыта, все чаще возвращающегося к мощному наследию работы с молодежью в советское время.

В российской и зарубежной литературе вопрос о том, как образы будущего страны способны формировать политическую повестку, остается малоизученным.

В исследовании Дугласа Блама [Blum, 2006] очерчены два конкурирующих подхода к видению мира и места России в нем, конфигурация которых влияет на приоритеты национальных политик. Первый — условно «советский» — отражает парадигму блокового мышления времен холодной войны, когда настоящее и будущее страны виделось сквозь оптику вызовов и угроз для страны: борьба за лидерство, идеологическая, военная и политическая конкуренция. Результаты сравнительного исследования МП России и Беларуси, проведенного Кристиной Силван, свидетельствуют о значимости общего советского прошлого при выборе приоритетов молодежной повестки государств, ориентированных на контроль молодежи (особенно «будущих элит») и идеологическую мобилизацию и консолидацию молодежных лидеров вокруг государственных институтов [Silvan, 2019]. В рамках второго подхода Россия видится достаточно модернизированным обществом, плотно интегрированным в европейские глобальные экономические и политические институты, что позволяет, пусть и в ограниченной форме, развиваться низовым инициативам (частное предпринимательство, НКО, проекты электронной

демократии и т. д.). Эти два образа — просоветский и модернизированный — фреймируют повестку МП современной России, они могут конкурировать, дополнять или, не пересекаясь, сосуществовать друг с другом, находя отображение в региональных или муниципальных программах и практиках.

Одно из центральных мест в национальных молодежных политиках занимают вопросы формирования национальной идентичности и патриотизма как чувств принадлежности к государству через развитие гражданственности [Hemment, 2015]. Практики и стратегии конструирования патриотизма, избираемые государствами, крайне разнообразны [Hansson, Lundahl, 2004]. Они могут базироваться на обращении к прошлому страны, к культурным традициям, общенациональному единству. Выбор инструментов порождает разные эффекты — например, «государственного национализма» [Wang, 2008], «обиженного патриотизма» [Wang, 2014; Омельченко, 2012], развития правого экстремизма в молодежной среде [Pričko, 2015]. Важным каналом формирования патриотических настроений становятся дискурсивные практики говорения. Например, «любовь к Родине», «гордость за Родину» как выражение принадлежности [Гревцева, Ипполитова, 2015], «права на город» — как выражение гражданского участия и активизма [Omelchenko, Krupets, Zhelnina, 2015], «готовность защищать Родину», «оборонять» — как милитаристские конструкции опасного и вражеского окружения [Ярлова, 2015].

Возможные и доступные формы гражданского участия вместе с интерпретациями патриотизма оказываются встроенными в образы будущего, которые прочитываются в продвигаемых программах молодежных политик, используемых его агентами инструментах.

Чаще всего исследователи обращаются к анализу документов и инициатив МП. Очевидно, что программная риторика МП и реальная практика — проведение МП людьми, вовлеченными в эту систему, — могут не только значительно различаться, но и вступать в серьезные конфликты, что мы и постараемся показать на материалах проведенного исследования.

Методология исследования

Наше внимание обращено к мнениям участников исследования (экспертов из разных областей, вовлеченных в МП) о том, что стоит за диалогом между государством и молодежью в отношении будущего страны, на чем держится поколенческий контракт, как МП в целом «работает» на будущее; какую молодежь они видят в качестве значимого агента, «предвестника», барометра этого будущего.

Проект, материалы которого использованы в статье, был посвящен потенциалам национальных молодежных политик в России и ряде европейских стран. В фокусе исследования оказались государственные программы в отношении молодежи, академические дискуссии вокруг этой темы, а также интервью с экспертами, включенными в обсуждение, принятие и реализацию программ и проектов. Полевой этап проекта практически совпал с широкими дебатами академического сообщества относительно принятия закона ФЗ № 489-ФЗ «О молодежной политике»⁷, которые также стали предметом анализа.

⁷ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Российская газета. 2021. 11 января. URL: <https://rg.ru/2021/01/11/molodez-dok.html> (дата обращения: 15.04.2022).

Эта статья посвящена анализу исключительно российского опыта. Ее эмпирической базой стали экспертные интервью с ключевыми акторами МП (N = 30). При составлении выборки мы учитывали агентов разных уровней с пропорциональным учетом ключевых сфер: *политика* — федеральные, региональные и муниципальные эксперты органов государственной власти (10); *НКО* — эксперты молодежных общественных объединений, негосударственных организаций (10); *наука* — ученые, исследовательские интересы которых связаны с изучением молодежной политики (10). Рекрутинг информантов проводился с учетом разных федеральных округов России: Центральный (11); Северо-Западный (3); Уральский (3) Южный (1), Северо-Кавказский (1); Приволжский (4); Сибирский (5); Дальневосточный (2). В каждом из регионов мы стремились получить доступ к ключевым фигурам — руководителям органов по молодежной политике или их заместителям. Интервью проводились также и с «рядовыми» сотрудниками муниципального уровня из областных или краевых молодежных центров, молодежных НКО, молодежных общественных объединений федерального или регионального уровня. В выборку были включены также ученые из разных регионов, занимающиеся молодежными исследованиями. В рекрутинге мы полагались не только на наши профессиональные сети: часть договоренностей была получена методом «снежного кома» или путем деловой коммуникации через официальные запросы в руководящие органы в сфере МП.

Интервью проводились в период осенней волны коронавируса 2020 г., крайне тяжелой: болели наши коллеги-исследователи, из-за болезни от интервью отказывались эксперты, ожидание разговора затягивалось. Большая часть интервью с российскими экспертами проводилась онлайн, что не сказалось на качестве и содержании бесед.

В ходе интервью затрагивались разные вопросы — от причин и мотивов прихода в молодежную политику (в «молодежку»), особенностей карьерного пути, задач и проблем текущей работы — до представлений о настоящем и будущем российской молодежи в перспективе будущего России.

Анализ интервью проводился методом открытого кодирования, и в этой статье выборочно использованы интерпретации информантов в отношении «взглядов на молодежь», «патриотического воспитания», «коронавируса». Акцент на пандемию коронавируса важен, на наш взгляд, в перспективе потенциала МП справляться с масштабными кризисами. Фокус анализа выглядит достаточно провокационным, поскольку мы сталкиваемся с крайне политизированными, идеологически перегруженными дебатами в отношении не столько будущего, сколько настоящего России и ее места в актуальной глобальной повестке.

Взгляд на молодежь в перспективе будущего

Перефразируя слова, приписываемые Троцкому, можно сказать: «молодежь — это барометр будущего». Особый, часто сопряженный с тревогой взгляд на новое поколение со стороны взрослых, особенно политиков, связан с опасениями по поводу сохранения и передачи в будущее ценностей, а также материального, духовного, политико-идеологического наследия. Обобщенный образ современной молодежи видится в этом контексте в качестве прототипа, предвестника будущего. В зависимости от фокуса восприятия и понимания современной молодежи, созда-

ются и продвигаются прямые и опосредованные запросы на «работу с молодежью». Несмотря на кардинальные перемены в российском обществе, именно в сфере МП максимально сохраняются и воспроизводятся технологии и инструменты работы с молодежью (воспитательные приемы) позднесоветского времени, на что обращают внимание многие исследователи. Мы столкнулись с разными интерпретациями экспертов в оценке места и роли молодежи в жизни российского общества: от оптимистического взгляда на «молодежь и молодежную политику как надежных друзей государства и гарантов светлого будущего России» до достаточно тревожного и критического образа «молодежи как декорации молодежной политики».

«Молодежь — опора государства в будущем»: через традиционные ценности и патриотическое воспитание — к дружескому диалогу государства и молодежи

Часть экспертов, разделяя представление о позитивном и светлом будущем России, месте и роли молодежи в его приближении, рассматривают отношения государства в лице МП и молодежи как сбалансированный диалог. Россия представляется уникальной страной, имеющей отличия от Запада как в целом, так и в сфере ценностей, приоритетов, принципов европейских молодежных политик. Ключевым смыслом выстраивания диалога становится разделяемая всеми «гордость за страну». Поддержка этого образа характерна преимущественно для руководителей федеральных и региональных органов государственной молодежной политики, а также части общественных организаций.

Признавая изменения в страновой и глобальной перспективе, связанные с поколенческими вызовами, миграционными процессами, разнообразием культурных молодежных практик, эксперты уверены, что самым значимым в разговоре с современной молодежью остается курс на традиционные ценности. Руководители федеральных органов государственной власти отмечают, что молодежь, по их мнению, чтит родительское поколение, разделяет важность героического прошлого страны, и, несмотря на критичность, отношения со старшими строятся на основе дружбы и доверия.

...Семейные ценности как были, так и остались в приоритете. <...> родитель, безусловно, авторитет, ну, как и в общем для поколения «Х»... Современные ребята, они родителей воспринимают скорее как друга... ценность создания семьи — она, безусловно, есть, это видно, это считается. (И1, политика, ЦФО)

Говоря о современной молодежи, эти эксперты (преимущественно из центральных регионов, обозначаемых как «центр») делают акцент на молодых лидерах, поддерживающих и разделяющих официальную повестку государственной молодежной политики. С этой формально организованной молодежью нужно быть на одной волне, считают эксперты, стремиться к диалогу «на равных», «слышать», учитывать их запросы.

...Наша задача — быть всегда... на волне в молодежной тусовке, чтоб мы могли общаться на одном языке. Почему мы очень часто проводим так называемый диалог на рав-

ных, где мы с молодежью общаемся... наша главная задача — услышать правильные их запросы, чтоб мы потом могли реализовать их в жизнь. (И2, политика, СЗФО)

Основное внимание эксперты обращают на элиту будущей России, молодых и талантливых лидеров, участвующих в школах, тренингах и форумах разных форматов, — на тех, кто «хочет и готов развиваться». За рамками приоритетов остаются группы, требующие особого подхода государства молодых людей — уязвимая, не «прогрессивная» молодежь, те, кто в силу не столько субъективного нежелания, сколько объективных обстоятельств жизни оказываются исключенными из сферы внимания. «Неактивная» молодежь описывается экспертами как инертная, неготовая принимать ответственность за будущее:

И сейчас молодежная политика устроена таким образом, что она направлена на прогрессивную молодежь — на тех, кто хочет и готов развиваться в ногу со временем, на тех, кто умеет использовать свои возможности и, помимо этого, ну, готов, естественно, вовлекаться в какие-то активные мероприятия. (И3, НКО, ЦФО)

Несмотря на приоритет принятых в российской МП практик и инструментов, эксперты признают эффективность тех европейских проектов, которые близки российским по ценностным ориентирам и ключевым векторам, как, например, социальное участие, лидерство, патриотическое воспитание, волонтерство. Опыт стран СНГ отдельно выделяется как максимально дружественный и похожий на российский. Опорой для плотного взаимодействия эксперты из «центра» называют постсоветское прошлое, а также готовность политиков СНГ учиться и перенимать российские наработки.

*Мы взаимодействуем больше со странами СНГ, нежели чем с европейскими странами. Ну, в силу многих, наверное, политических причин, которые не совсем зависят от молодежных организаций. И со странами СНГ у нас, естественно, есть общие черты. Но тут мы на шаг впереди. То есть страны СНГ — это **наши ученики**, которые, как правило, к нам обращаются за получением опыта. Естественно, нам интересно взаимодействовать с более прогрессивными странами — это с европейскими странами, с которыми у нас выстраиваются отношения, ну, скажем так, на равных. (И3, НКО, ЦФО)*

Российская молодежь, по мнению экспертов этой группы, ориентирована на традиционную нравственность как базовую ценность российской национальной идеи. Эти понятия отсылают нас к официальной риторике лидеров государства. В качестве пояснения используются примеры исключительной важности прочтений мужской и женской нормативности в рамках патриархатного гендерного режима, «близкого нашему народу». Кардинальное отличие российской молодежи от европейской эксперты видят в устойчивости поколенческой преемственности традиций и моральных ориентиров:

...Я вижу, что европейская молодежь, американская... Ее волнует вопрос соблюдения прав, свобод человека, демократия... И даже момент Второй мировой войны они рас-

смастривают с точки зрения прав, свобод человека. Для нас Великая отечественная война — это не права и свободы человека... **Тебя не с точки зрения прав демократии интересуют моменты, а с точки зрения каких-то человеческих моралей и отношений... Мы пока еще более такое традиционное общество, и молодежь — это пока еще тоже более традиционная группа, в том числе по отношению к тем же секс-меньшинствам...** Европейская молодежь смотрит на это как ущемление прав этой категории, да, а у нас на это смотрят с точки зрения вот такой морали, традиционных моментов. Вот. (И4, политика, ЦФО)

Патриотическое воспитание рассматривается федеральными экспертами в качестве гаранта поступательного движения в будущее, а патриотизм — как общенациональная связующая ценность, с помощью которой в будущее передается идея над- и межэтнического национального единства российского общества. Критика самой концепции патриотического воспитания допускается, но только если это не наносит ущерба национальному единству страны.

Традиционные взгляды на жизнь являются... вот, общим единым стержнем, когда мы говорим об общих, формирующих российский народ, ну, Российскую Федерацию, основах... Патриотизм — это вещь, свойственная нам, и важная, и нужная, но это совершенно не значит, что молодежь не критически должна воспринимать действительность. Но при этом мы должны понимать, что — ну, для меня лично это так — что никакие наши действия никогда не должны вредить Российской Федерации как обществу, вот этому многонациональному, многоконфессиональному народу. (И1, политика, ЦФО)

Эксперты единодушны в оценке последствий пандемии коронавируса для государственных структур. Потребовались срочные меры по быстрой переориентации ключевых направлений и наработанных практик, многие яркие проекты пришлось свернуть или сократить (как, например, движение российских студотрядов), отмечал эксперт И5 (политика, НКО, УФО).

Кризис подталкивает к поиску резервов, приходится работать на полную мощь, предлагать идеи, совершенствоваться и запускать новые сервисы, становиться более клиентоориентированными.

И вот вся эта ситуация стимулировала все организации усовершенствовать свои онлайн-услуги. <...> это стало, ну, для молодежи позитивным... открытые курсы всевозможные, да, бесплатно создали, там, друг друга поддерживают — это тоже как бы такой плюсики, вот. (И6, политика, ПФО)

Улучшение собственных сервисов помогло продемонстрировать эффективность работы с молодежью, а пандемия, по мнению экспертов, поспособствовала расширению влияния государства на молодежную аудиторию.

Что касается, к примеру, там, коронавируса и добровольчества, я могу сказать, что акция «Мы вместе» — она показала, насколько людям не безразлично... Мы в течение трех дней там смогли собрать порядка 1000 добровольцев на территории региона,

которые сказали: «Я готов». К примеру, я готов на своей машине с 7 вечера до 9 вечера развозить продукты, мне за это ничего не надо, дайте мне волонтера, я буду готов ездить. (И2, политика, СЗФО)

Оптимистичный взгляд на настоящее и будущее молодежной политики, диалог «на равных» с современной молодежью, разделяемое мнение о безусловной важности традиционных ценностей и патриотизма как общенациональной идеи вместе с критическим восприятием европейского опыта работы с молодежью — все это характерно для ключевых агентов российской МП из «центра» (руководителей высшего звена федеральных органов государственной власти, председателей сетей общероссийских молодежных объединений или их заместителей). Они разрабатывают и запускают общефедеральные программы или проекты, курируют их реализацию, контролируют социальные эффекты и определяют контрольные показатели. Будучи мало включенными в непосредственную реализацию молодежной политики, они редко сталкиваются с трудностями «на местах», ориентируясь в большей степени на показательные и яркие события форумов и съездов, в результирующих мероприятиях которых принимают участие топовые лидеры и активисты молодежных движений и инициатив. Риторические приемы говорения о молодежи как «силе и мощи государства, надежды на поступательное движение к светлому будущему» отсылают к советскому опыту массовых мобилизаций молодежного активизма «сверху», дискурсивно соответствуют актуальной и доминирующей политической и идеологической повестке государства. В качестве иллюстрации российской молодежи эксперты ссылаются на «прогрессивных» лидеров и активистов, лояльных власти, разделяющих принципы нормативности, соответствующие так называемой традиционной морали. Это приводит к тому, что за рамками внимания и приоритетов МП оказывается уязвимая или не вписывающаяся в этот образ молодежь.

Цементирующей основой единства государства и молодого поколения является, по мнению этих экспертов, патриотизм, формирующийся вокруг «гордости за страну» с акцентом на победу во Второй мировой войне. Ведущие агенты молодежной политики уверены в том, что знают, как выстроить диалог с молодежью, а кризисные явления, включая пандемию, рассматривают как ситуации, помогающие формированию солидарных интересов с фокусом на волонтерство.

«Короткий горизонт планирования»: тревожное будущее

Часть наших информантов с тревогой говорили о молодом поколении и будущем молодежи. Важным направлением работы (зачастую именно в регионах) становится перевоспитание «неактивных», «потребителей государственных ресурсов» в осознанных граждан, разделяющих ответственность за будущее страны. Молодежная политика, по их мнению, призвана реализовать миссию по «спасению» молодежи от разнообразных угроз — как внешних, так внутренних. Надежды возлагаются на прогрессивные инструменты МП и ее работников, способных профессионально пользоваться ресурсами.

Незаинтересованность молодежи в будущем страны связывается экспертами с исключительным вниманием юношей и девушек к личностному развитию

на фоне роста индивидуалистических установок, со стремлением к максимальному использованию ресурсов государства «здесь и сейчас», а также ожиданием особого отношения к себе и слабым планированием будущего:

У молодежи короткий горизонт планирования, как у общества в целом, но очень сильная фиксация и концентрация на сегодняшнем дне: сегодняшний день, «я сам», «мое саморазвитие», «моя самореализация», не выходит из зоны комфорта, и, скорее, вот, вот наслаждаться всем происходящим за чужой счет... Очень мало активной жизненной позиции, а, скорее, вот очень такое потребительское отношение к государству, и все, что делают родители дома, потом хочется, чтобы ровно то же самое продолжило делать государство, причем вот здесь и сейчас. (И7, наука, ЦФО)

Молодежь подвержена разнообразным рискам ценностно-нравственного толка. По мнению информанта — руководителя федерального органа власти в регионе, это радикализация настроений и недостаток толерантности, связанные с недостатком патриотических чувств и непониманием «исконных», извечных ценностей российского общества:

Проблема, которая обостряется периодически, — это проблема радикализации молодежной среды, связанная с проявлением экстремизма, с проявлением насилия, с нетолерантностью... Это проблема с пониманием... патриотизма, да, ценностей того общества нашего российского исконного, в котором он живет. (И8, политика, ПФО)

Особые тревоги вызывают и группы молодых политических оппозиционеров или гражданских активистов, открыто демонстрирующих свою нелояльность или несогласных с текущим политическим курсом. Такие настроения эксперты часто связывают с усилением западного вмешательства в процесс социализации молодых россиян. Соответственно, инструментом контроля и регулирования взросления нового поколения становится курс на патриотическое воспитание, способный противостоять «угрозам» извне, стремлениям недоброжелателей помешать единству России.

А что касается патриотического воспитания, ну, мы понимаем прекрасно, что страна наша огромная, страна у нас имеет много, скажем так, недоброжелателей, которые в мировом сообществе считают исконно несправедливым, что, там, одной стране, одному народу в широком смысле — а мы же все русский народ, и татары, и русские, — что одному народу достались такие богатства, недра, территории... Я абсолютно согласен с фундаментальными трудами наших историков, и не только историков, что Россию можно победить только изнутри, только лишь если сама Россия себя уничтожит... Задача формирования идентичности, патриотического воспитания в этом плане является для нас одной из важных, значимых. (И8, политика, ПФО)

Метод профилактики «угроз» (среди которых — риск западного вмешательства в социализацию молодежи, снижение авторитета государства и его лидеров, утечка мозгов) работает как защитный механизм государственной политики: вместе

с разворачиванием внешнеполитических событий или конфликтов, автоматически усиливается патриотическая повестка государства. Эксперт — руководитель молодежного НКО из региона в следующей цитате считает, что такой механизм необходим для достижения понимания и консенсуса в обществе:

С какими-то политическими тоже вопросами связано, внешнеполитической деятельностью, да, Крым присоединили... Мне кажется, в информационном поле много стало... как сказать, хейтят, да, Россию, критикуют действия, там, органов власти, да, государства нашего. Конфликты, которые на мировой арене, да, происходят, и для того, чтобы, ну, у людей было четкое, как сказать, понимание, что все делается правильно, началось, ну, начинается вот это вот патриотическое движение, сильно, ну, развивать... (И9, НКО, ДВФО)

Усиление курса на патриотическое воспитание заметно по разрастанию аппаратов органов исполнительной власти, специально созданных для данных целей, расширению волонтерских корпусов при общественных движениях. Для некоторых экспертов предметом гордости является наличие в регионе больших бюрократических и исполнительных структур патриотического толка:

Ну, вот у нас прям целая структура теперь в комитете по делам молодежи, которая занимается патриотическим воспитанием, раньше такого не было, прям штаб целый. <...> У нас Юнармия у нас есть, есть военно-патриотический центр, который тоже структура комитета по делам молодежи... Ну, я думаю, что это на пользу. (И10, политика, ЮФО)

Часть экспертов в регионе умеренно критикуют не только зарубежный, но и российский опыт, полагая, что стоит осторожно перенимать некоторые европейские практики, связанные, например, с интересными подходами к вовлечению молодежи в управление общественными процессами, стремлением услышать ее голоса, сделать ее более видимой.

Европейская политика — она как раз в большей степени ориентирована на вовлечение молодежи в управление молодежной политикой как таковой, в разработку инструментов. То есть там взгляд в большей степени снизу, да. У нас взгляд сверху, стратегия сверху: государство диктует, что именно, да, и пытается воздействовать на молодежь... Хотя, ну, я, безусловно, не могу сказать, что в Европе все так благополучно, все так замечательно... С точки зрения интеграции — да, у России здесь есть, наверное, даже лучший потенциал интеграционный, чем у Европы. Это связано с тем, что Россия изначально многонациональное государство, и таким является в течение длительного времени. (И11, наука, СФО)

Пандемия усилила тревоги этой группы экспертов за молодежь и будущее страны. Молодые, по их мнению, показали инертность и неспособность противостоять связанному с пандемией кризису.

Пандемия и вот все эти ограничения, молодежь абсолютно не в тонусе. Ее выбило из колеи. Она не знает, как туда вернуться, как настроиться, ну, если, там, хотите, на путь истинный. Ну, даже те ребята, которые были активные, там, в феврале-марте, говорят: «Нам ничего неохота. Мы ничего не хотим делать. Зачем? Мы вон лучше Ютубчик посмотрим». Эти люди вот с таким отношением сейчас... Сколько-то лет проучатся, а потом они пойдут в реальный сектор экономики и с очень большой долей вероятности ровно с таким же отношением... Можно сделать прогноз, что кризис-то следующий шандарахнет, когда вот эти ребята, которые вот сейчас с таким настроем, ну, скажем так, придут, не зная, как управлять какими-то процессами... (И5, НКО, УФО)

Обращали внимание информанты и на разные мотивы участия молодежи в волонтерстве в период пандемии, в том числе и прагматические, что с одной стороны выглядело странно, с другой — говорило о вполне объяснимом желании мобильности, которой многие оказались лишены в условиях изоляции.

Они писали мне буквально, у них вопрос начинался не с того, что типа «я вот хочу помогать», а их вопрос начинался с того, что «я хочу перемещаться по городу, скажите, вот тот пропуск, который вы получаете в результате того, что вы это делаете, он предоставляет такую возможность?» И доходило до того, что я, естественно, сказала, что «друзья, как бы, конечно, он предоставляет, но вы имеете в виду, что если вы регистрируетесь как волонтер, но не волонтерите, то у вас просто его изымают». (И12, НКО, СЗФО)

Критика в отношении современной молодежи могла быть связана с недостаточной, вовлеченностью и ответственностью молодых. Ссылаясь на свои молодые годы, эксперты сетовали на неблагодарность молодежи, ее неспособность или нежелание видеть открывшиеся возможности.

...Ты выбираешь то, что тебе действительно нравится. И сегодня это сделать намного проще, чем те же 10 лет назад, когда, допустим, я поступал в учебное заведение, и сегодня это проще, интереснее, масштабнее... Я думаю, что в целом для молодежи сейчас все делается, осталось только молодежи не зажираться, скажем так, а использовать то, что есть. (И13, НКО, СЗФО)

Тревожный образ современной молодежи вместе с умеренной критикой в адрес МП характерен для руководителей и сотрудников МП субъектов и муниципальных органов РФ, региональных штабов общероссийских общественных молодежных объединений, части ученых и исследователей молодежи. Эти эксперты участвуют в разработке региональных программ МП, включаются в обсуждение новых законодательных инициатив, активно выступают в медийном поле. Они возлагают на молодежь полную ответственность за будущие судьбы государства, однако она оказывается неготовой к этой миссии в связи с низкой активностью и незаинтересованностью юношей и девушек в реальной жизни общества, потребительскими установками в отношении государства, заикленностью на «здесь и сейчас», карьерном и личностном росте. Особые тревоги вызывает усиление западного вмешательства и рост числа оппозиционно настроенных гражданских

активистов, что требует особого внимания к разработке новых подходов к патриотическому воспитанию молодежи, преодолению исключительного взгляда «сверху», осторожного использования западного опыта с учетом потребностей современной молодежи. Инертность молодежи сказалась на ее неспособности противостоять кризису, связанному с пандемией. Настоящее воспринимается экспертами этой группы как хрупкая стабильность, устойчивость которой крайне ненадежна. При будущих кризисах, которые, по их мнению, неизбежны, молодежь вряд ли будет способна помочь государству, что делает крайне актуальным поиск новых механизмов и инструментов работы с молодежью.

Работа с молодежью — «одна большая декорация»

Мнения этой группы экспертов отличает повышенная критичность в отношении существующих практик молодежной политики России вместе с критичностью в отношении перспектив будущего диалога государства и молодежи. В эту группу попали прежде всего ученые — исследователи молодежи, руководители НКО и подведомственных органов государственной власти (преимущественно муниципальных), то есть эксперты как из «центра», так и из регионов, занятые непосредственно реализацией МП или исследованиями в этой области, не включенные в ее разработку.

Информанты обеспокоены тем, что происходит конфронтация государства и молодежи. Государство в лице ключевых агентов молодежной политики отказывается признавать и принимать новые приоритеты, значимые для современной молодежи, такие как рост либеральных настроений, значимость постматериальных ценностей, популярность западных/европейских культурных образцов, растущий интерес к отстаиванию прав и свобод человека.

...Если смотреть на доминирующие потребности, что, опять-таки, показывает уже не одно исследование... Это тяготение к постматериалистическим ценностям... к ценности свободы, тяготение к ценности либерализма, к ценности рынка и толерантности. И это очень проевропейски и прозападно мыслящая публика, как бы, может быть, власти это не хотелось отрицать. Это люди, выросшие в эпоху свободного интернета, открытых границ и эпоху тотального распространения информации по всему миру. Их модель мышления, в большинстве своем она очень либеральная, и она очень про западный стиль мышления, про нормально работающие институты, про высокую социальную справедливость, про абсолютно идентичные и работающие для всех одинаково правила жизни, про закон. Вот в этом смысле я бы сказал, что основной, как бы, закон молодежи — он сюда тяготеет. (И14, наука, УФО)

Эксперты считают, что государство и руководители МП специфическим образом реагируют на новые запросы молодежи — проблематизируя ненормативную молодежную активность и стремясь к усилению своего влияния посредством более жестких и агрессивных практик продвижения патриотического воспитания и контроля. Молодежь, по их мнению, расценивается государством в качестве политического инструмента и ресурса и оказывается за рамками обсуждения актуальной повестки и, соответственно, влияния на принятие решений. Реального диалога

с молодыми не происходит. Многочисленные форумные кампании или молодежные правительства создают картинку бесконфликтного содружества государства и молодежи, отвлекают внимание от острых проблем, с которыми сталкиваются молодые люди. Декларируется запрос на подготовку молодых креативных лидеров и развитие гражданственности, но в то же время он одновременно жестко контролируется, ограничивается в используемых инструментах и обсуждаемых темах, под которые выделяются финансирование и государственная поддержка. Так, по мнению экспертов, все это создает видимость работы в сфере МП и, в особенности, подчеркивает соответствие государственному курсу, а сама молодежь выступает «декорацией»:

...Сама молодежная политика — это политический инструмент, где часто молодежь выступает в виде некой декорации, которую пытаются нам показать: «Смотрите, вот молодежь вписана в общественную жизнь общества». Все вот эти многочисленные молодежные парламенты, молодежные правительства, различные молодежные форумы — это просто попытка вроде бы как-то что-то дать, ничего не давая, потому что молодежь по факту, когда я с ними общаюсь, будучи сама молодым человеком, я вижу, что нас всерьез-то не берут... давайте будем это делать, это очень круто, но, если ты пойдешь вглубь, попробуешь комплексно решить проблему, тебе просто это не дадут сделать. (И15, НКО, СФО)

Критически эксперты оценивают усиление курса на патриотическое воспитание, развитие духовных (традиционных) ценностей, правовую социализацию молодежи исключительно в контексте противодействия и профилактики всевозможных внутренних и внешних угроз в отношении политического курса государства. Это, по их мнению, вредит честному диалогу с молодежью, закрывает горизонты будущего.

Критично оцениваются экспертами принятые концепции и инструменты реализуемых программ патриотического воспитания молодежи, смысловым стержнем которого является тема и риторика ВОВ, посредством которой продвигаются ценности и взгляды доминирующего политического дискурса.

...Большая проблема еще с 1990-х годов — это поиск целостной интегральной идеи, «давайте мы все объединимся вокруг чего бы то ни было». Эту проблему решали в основном через культ Великой Отечественной войны... Я последнее время в молодежной среде вижу постепенное ощущение перекормленности темой Великой Отечественной войны. Скандалы вокруг георгиевских ленточек, рассуждения о том, что «мы можем повторить» — это неправильный лозунг... Это следствие того, что вот эта вот национальная идея через Великую Отечественную войну, которая, ну, пытается объединить, постепенно начинает себя изживать — по крайней мере, если мы говорим о молодежном сообществе. Чем ее заменят и заменят ли вообще — я не знаю. (И14, наука, УФО)

...Они идут, к сожалению, по готовым моделям. То, что им как бы какие-то задачи спустили, они их и решают там вот: 75-летие Победы — давайте все ударимся в патриотизм, в каких-то, ну, диких видах. Давайте соберем круглый стол! Кому он нужен? Когда сидят там 60-летние старцы, что-то там обсуждают, вспоминают былые дни: «Ну вы-то ребята молодые, давайте по-другому это все проводить». (И16, политика, ЦФО)

Не разделяя милитаристской риторики патриотических государственных программ, эксперты говорят о возможных проблемах для будущего: военизированные практики патриотического воспитания могут провоцировать, по их мнению, культ агрессии в молодежной среде. Ядром такой концепции становится конфронтация между политическими лагерями, формирование и закрепление в молодежной среде образов внутренних и внешних врагов государства:

...Ну, общий настрой и уровень агрессии в людях, он каждый год повышается... И в том числе благодаря вот, ну, как у нас в стране, к сожалению, все очень сильно завязано на политике и в том числе на внешней политике. Мы всегда ищем какого-то врага, обязательно надо найти врага и с ним очень долго и сильно бороться. Они все хотят нам сделать плохо. А мы, конечно же, за все хорошее во всем мире. (И17, политика, СФО)

Патриотическое воспитание реализуется в целом непопулярными «советскими» методами: централизация, планы, директивность и идеологический подход. Такие инструменты отталкивают молодежную аудиторию и увеличивают нагрузку на учителей, уверены эксперты:

Сейчас вот всем школам была спущена директива о том, что надо осуществлять патриотическое воспитание в школе... На учителей легла лишняя нагрузка. Такой прямолинейный подход, да, в сфере идеологии, который, по сути, повторяет советские традиции, он уже не сработает у современной молодежи. И, наверное, даже наоборот, у значительной доли молодежи вызывает, скорее, отторжение, да, негативную реакцию, нежели, вот направляет молодежь в нужную такую идеологическую сторону. (И18, наука, ПФО)

Чрезмерная идеологизация молодежной политики, даже тех ее направлений, что близки западным/европейским практикам (волонтерство и социальная вовлеченность молодежи), в России терпят крах и не работают. Главная проблема — молодежь по-прежнему остается невидимой для государства, продолжает расцениваться как проблема, требующая централизованного решения.

Если, там, посмотреть на европейские страны, то там молодежь воспринимается больше как партнер государства: молодежь хотят и готовы привлекать в различные сферы жизни людей. Там молодежь готова идти, потому что она понимает, что она здесь не как декорация сидит... Они могут диктовать сообществу, что и как делать, они могут задавать какие-то свои векторы, поднимать какие-то реальные проблемы, чего в России, к сожалению, молодежь часто не может сделать, то есть она невидима, незначима. (И15, НКО, СФО)

Пандемия — несмотря на то, что оказалась нелегкой для многих, — привела к неожиданным результатам. По мнению экспертов этой группы, молодежь и родители (взрослые) начали разговаривать на одном языке современных технологий, а развитие дистанционных технологий помогло сглаживанию конфликта поколений и выстраиванию диалога на равных.

...Коронавирус сыграл, конечно, такую хорошую роль, потому что всем пришлось уйти в онлайн. Те, кто раньше не принимал онлайн — я говорю сейчас больше про старшее поколение, которые говорили «убери свой гаджет, отдам в конце урока», — сейчас у них возникла необходимость уходить в онлайн. Проводить онлайн-занятия, делать фотографии, копировать ссылки, размещать материалы, записывать лекции... Объективно эффект, конечно, высокий, стало лучше. (И19, политика, СФО)

Широкое развитие онлайн-формата взаимодействия помогло в определенной степени преодолеть изолированность уязвимых групп молодежи и открыть им вход в недоступные ранее молодежные тусовки и общение:

...Молодежные организации инвалидные, которые в онлайн-формате проводили даже свои, там, тренировки спектаклей и так далее. То есть освоение новых форм таких произошло. И на самом деле это вот позитивно то, что эта категория, например, молодежи нашла возможность через онлайн включаться в какие-то культурные программы шире, вот и в общение. (И20, наука, ЦФО)

Молодежь в целом как группа скорее выиграла от пандемии, нежели проиграла. Так, российская молодежь получила право заявить о себе на международных площадках, ей открылись интеллектуальные ресурсы — зарубежные библиотеки и музеи, двери топовых университетов. Вместе с тем пандемия подорвала у молодежи авторитет государства, которое не справилось с решением возникших материальных проблем для многих уязвимых категорий молодых людей. Это окажется серьезной проблемой в будущем, считают эксперты.

...Были, наверное, иллюзии о том, что при возникновении такой сложной ситуации государство будет оказывать более активную помощь. К сожалению, вот этот кризис показал... Он, понятно, был новым для всех — для руководства страны, для руководства регионов, — но мне кажется, что все-таки уровень поддержки был недостаточным. (И21, НКО, политика, ЦФО)

Критический образ будущего молодежи в контексте реализуемых проектов МП разделяют эксперты, непосредственно участвующие в их осуществлении, чаще всего на региональном уровне, а также ученые из «центра» и регионов, занимающиеся исследованиями и анализом молодежного пространства современной России. Все они озабочены ростом конфронтации государства и молодежи, а лейтмотив их нарративов — «надо срочно что-то менять». По их мнению, следует внимательно относиться к европейскому опыту, учитывать изменения настроений молодежи в сторону либеральных, постматериальных ценностей, растущий интерес молодежи к отстаиванию прав и свобод, а также актуальный запрос на социальную справедливость. С беспокойством относятся эксперты и к излишне агрессивному продвижению, а также контролю результативности патриотического воспитания, особенно его милитаризированных вариантов. Критически оценивается ими использование просоветских методов молодежных «массовок» в качестве декораций достижений и побед, бесконфликтного содружества государства

и молодежи, что может привести к глубоким кризисам в будущем. Неуместным и достаточно рискованным для будущего, по их мнению, становится постоянное использование темы Великой Отечественной войны как бесконечного свидетельства неизменности традиций и общенациональных ценностей, что на практике приводит к выхолащиванию исторического смысла.

Выводы

Все эксперты, принявшие участие в исследовании, уверены, что молодое поколение сыграет ключевую роль в построении будущего, но то, каким оно будет, насколько молодежь готова к своей «миссии», какие проекты и инициативы, реализуемые молодежной политикой, способствуют или, наоборот, затрудняют диалог государства и молодежи — в этих и других вопросах общего понимания нам обнаружить не удалось.

Мы видим, как по-разному разворачивается обсуждение будущего страны и как вписываются в образы будущего представления о современной молодежи России, ее преимуществах, ключевых проблемах, общих и особенных характеристиках их ценностных миров. Ключевыми линиями напряжений и противоречий в неявном диалоге между экспертами оказались все те же «вечные» вопросы: молодежь России — объект или субъект МП, молодежь России инфантильна и безответственна или она включена в общественные процессы, но ее включение и гражданственность расходится с официальными нормативными представлениями [Krupets et al., 2017] прочтение патриотизма в русле официальной доктрины как залог будущего страны и разные прочтения патриотизма от частного дела — до новой гражданственности [Nartova, 2021].

Можно также проследить линии, вдоль которых расположились мнения экспертов: от центра к периферии и от высшего звена — к тем, кто реально работает на местах, от ученых — до практиков, и от государственных структур — к НКО. Образы будущего через призму МП, которые мы реконструировали из анализа интервью, показывают трудности диалога между уровнями разработки и реализации МП и проблемы понимания в контексте «центр-периферия», что сказывается на том, как сами агенты молодежной политики понимают актуальную повестку и задачи МП, как вписываются в проводимую политику разные молодежные группы.

В центре дискуссии оказались вопросы, связанные с прочтением смысла и практик патриотического воспитания молодежи. Для одних — это ядро национальной идеи и средство воспитания и перевоспитания молодежи, для других — предмет рефлексивной критики используемых инструментов. По-разному оценивают эксперты и эффекты кризисных ситуаций, в частности пандемии. Эксперты сходятся во мнении о том, что кризис многому их научил, может и должен способствовать изменениям МП. Однако направления этих изменений видятся экспертами по-разному. Для одних это время стало своего рода драйвером, подталкивающим к необходимости трансформировать фокусы и повестки молодежной политики. Для других экспертов пандемия коронавируса усилила тревогу за будущее страны и молодежи или, наоборот, открыла дорогу к «позитивным» изменениям и стабилизации будущего.

Сложно сказать, насколько полученные результаты интересны и полезны для продолжения дискуссии вокруг особенностей и противоречий современной молодежной политики в России. Скорее всего, это лишь толчок к дальнейшим исследованиям и обсуждениям. Рискнем предположить, что этот краткий анализ дает представление о серьезном кризисе государственной молодежной повестки в России, связанном с чрезмерной идеологизацией МП, все чаще в последнее время обращающейся к опыту советского времени, использующей его вне и за рамками современного контекста мира свободного интернета, без учета существенных трансформаций молодежного пространства и ценностного мира молодых россиян.

Список литературы (References)

Андрюшина Е. В., Панова Е. А. Современная российская государственная молодежная политика: эволюция, основные направления, практики // *Власть*. 2017. Т. 25. № 7. С. 60—65.

Andryushina E. V., Panova E. A. (2017) The Modern Russian State Youth Policy: Evolution, Main Directions and Practice. *Vlast' (The Authority)*. Vol. 25. No. 7. P. 60—65. (In Russ.)

Гончарова Н. В., Ясавеев И. Г. Конструирование смыслов поисковой работы в России: лейтмотивы властей и участников экспедиций // *Мир России. Социология. Этнология*. 2020. Т. 29. № 1. С. 153—173. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-1-153-173>.

Goncharova N. V., Yasaveev I. G. (2020) The Meanings of WW2 Search Work in Russia in the Rhetoric of State Authorities and the Searchers Themselves. *Universe of Russia (Mir Rossii)*. Vol. 29. No. 1. P. 153—173. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-1-153-173>. (In Russ.)

Гревцева Г. Я., Ипполитова Н. В. Воспитание гражданственности и патриотизма молодежи: исторический аспект // *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. 2015. № 6. С. 27—32.

Grevceva G. Ya., Ippolitova N. V. (2015) Civic and Patriotic Education of the Young: The Historical Aspect. *The Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University*. No. 6. P. 27—32. (In Russ.)

Ильинский И. М., Луков Вал. А. Государственная молодежная политика в России: философия преемственности и смены поколений // *Знание. Понимание. Умение*. 2008. № 4. С. 5—13.

Ilinskiy I. M., Lukov Val. A. (2008) State Youth Policy in Russia: The Philosophy of Continuity and Digenesi. *Knowledge. Understanding. Skill*. No. 4. P. 5—13. (In Russ.)

Кравцова А. Н. От «Наших» до своих: трансформация «гражданственности» в среде петербургских про- и пост-«Наших» активистов // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019. № 1. С. 107—125. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.05>.

Kravtsova A. N. (2019) Transformation of “Citizenship” Among Pro- and Post-NASHI Activists in St. Petersburg. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 107—125. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.05>. (In Russ.)

Кривонос Д. С. Жизнь после «Наших»: автономия, лояльность и искренность в молодежном движении «Сталь» // Этнографическое обозрение. 2015. № 1. С. 72—89.
Krivonos D. S. (2015) Life after Nashi: Autonomy, Loyalty, and Sincerity in the Stal' Youth Movement. *Etnograficheskoe obozrenie*. No. 1. P. 72—89. (In Russ.)

Криворученко В. К. Молодежная политика: взгляд ученого и практика // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 78—87.
Krivoruchenko V. K. (2013) Youth Policy: A View of a Scientist and Expert. *Knowledge. Understanding. Skill*. No. 2. P. 78—87. (In Russ.)

Лисовская И. В. «Путевка в жизнь» для «трудных» подростков? Возможные сценарии (ре)интеграции в специальных учреждениях // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 3. С. 423—438. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-3-423-438>.

Lisovskaya I. V. (2019) A 'Start in Life' for Troublesome Kids? Possible Scenarios of Reintegration in the Context of Special Institutions. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 17. No. 3. P. 423—438. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-3-423-438>. (In Russ.)

Луков Вал. А., Погорский Э. К., Тихомиров Д. А. Государственная молодежная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 4. С. 231—236.
Lukov Val. A., Pogorsky E. K., Tikhomirov D. A. (2011) State Youth Policy: The Russian and World's Practice of the Realization of New Generations' Innovative Potential. *Knowledge. Understanding. Skill*. No. 4. P. 231—236. (In Russ.)

Меркулов П. А., Бакалдина Е. С., Елисеев А. Л. Государственная молодежная политика в современной России: инструменты интеграции молодежи в общественные практики // Власть. 2015. № 10. С. 27—32.
Merkulov P. A., Bakaldina E. S., Eliseev A. L. (2015) The State Youth Policy in Modern Russia: Integrational Tools. *Vlast' (The Authority)*. No. 10. P. 27—32.

Омельченко Е. Л. Молодежь: открытый вопрос. Ульяновск: Симбирская книга, 2004.
Omelchenko E. L. (2004) Youth: An Open Question. Ulyanovsk: Simbirskaya kniga. (In Russ.)

Омельченко Е. Л. Как научить любить Родину? Дискурсивные практики патриотического воспитания молодежи // С чего начинается Родина: молодежь в лабиринтах патриотизма / под ред. Е. Омельченко и Х. Пилкингтон. Ульяновск: УлГУ, 2012. С. 261—310.

Omelchenko E. L. (2012) How to Teach to Love the Homeland? Discursive Practices of Patriotic Education of Youth. In: Omelchenko E., Pilkington H. (eds.) *Where Does the Homeland Begin: Youth in the Labyrinths of Patriotism*. Ulyanovsk: Ulyanovsk State University. P. 261—310. (In Russ.)

Омельченко Е. Л. Вместо введения. 25 лет молодежных исследований: глобальные имена — локальные тренды // Молодежь в городе: культуры, сцены и солидар-

ности / сост. и науч. ред. Е. Л. Омельченко. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020.

Omelchenko E. L. (2020) Instead of an Introduction. 25 years of Youth Research: Global Names — Local Trends. In: Omelchenko E. L. (ed.) *Youth in the City: Cultures, Scenes and Solidarities*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)

Смирнов В. А. Молодежная политика: опыт системного описания // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 72—80.

Smirnov V. A. (2014) Youth Politics: A System Description. *Sociological Studies*. No. 3. P. 72—80. (In Russ.)

Стивенсон С. А. Уличные дети и теньевые городские сообщества // Социологический журнал. 2000. № 3—4. С. 87—97.

Stivenson S. A. (2000) Street Children and Urban Shadow Communities. *Sociological Journal*. No. 3—4. P. 87—97. (In Russ.)

Тарцан В. Н. Государственная молодежная политика в современной России // Полис. Политические исследования. 2010. № 3. С. 156—160.

Tartzan V. N. (2010) The State Youth Policy in Contemporary Russia. *Polis. Political Studies*. No. 3. P. 156—160. (In Russ.)

Ярлова Т. В. Патриотическое воспитание студенческой молодежи в современных условиях // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 2. С. 107—112.

Yarovova T. V. (2015) Patriotic Education of Student Youth in Modern Conditions. *Central Russian Journal of Social Sciences*. No. 2. P. 107—112. (In Russ.)

Ярская В. Н., Ловцова Н. И. Молодежная политика: разные и пока не равные // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8. № 2. С. 151—164.

Yarskaya V. N., Lovcova N. I. (2010) Youth Policy: Different but Not Equal Yet. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 8. No. 2. P. 151—164. (In Russ.)

Ясавеев И. Г. Лейтмотивы властной риторики в отношении российской молодежи // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15. № 3. С. 49—67. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2016-3-49-67>.

Yasaveev I. G. (2016) Motifs of Government Rhetoric on Youth in Russia. *Russian Sociological Review*. Vol. 15. No. 3. P. 49—67. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2016-3-49-67>. (In Russ.)

Blum D. W. (2006) Russian Youth Policy: Shaping the Nation-State's Future. *SAIS Review of International Affairs*. Vol. 26. No. 2. P. 95—108. <https://doi.org/10.1353/sais.2006.0027>.

Griffin C. (1997) Representations of the Young. In: Roche J., Tucker S. (eds.) *Youth in Society*. London: Sage. P. 10—18.

Hansson K., Lundahl L. (2004) Youth Politics and Local Constructions of Youth. *British Journal of Sociology of Education*. Vol. 25. No. 2. P. 161—178. <https://doi.org/10.1080/0142569042000205136>.

Hemment J. (2012) Nashi, Youth Voluntarism, and Potemkin NGOs: Making Sense of Civil Society in Post-Soviet Russia. *Slavic Review*. Vol. 71. No. 2. P. 234—260. <https://doi.org/10.5612/slavicreview.71.2.0234>.

Hemment J. (2015) Youth Politics in Putin's Russia: Producing Patriots and Entrepreneurs. Bloomington, IN: Indiana University Press.

Henderson S. L. (2011) Civil Society in Russia: State-Society Relations in the Post-Yeltsin Era. *Problems of Post-Communism*. Vol. 58. No. 3. P. 11—27. <https://doi.org/10.2753/PPC1075-8216580302>.

Nartova N. (2021) Citizenship and Social Engagement of Youth in the Putin Era. In: Omelchenko E. (ed.) *Youth in Putin's Russia*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 137—165. https://doi.org/10.1007/978-3-030-82954-4_4.

Omelchenko E., Krupets Ya., Zhelnina A. (2015) Citizenship of Russian Youth: The Search for an Effective Methodology. In: Allaste A.-A., Tiidenberg K. (eds.) *"In Search of ...": New Methodological Approaches to Youth Research*. Cambridge: Cambridge Scholar Publishing. P. 295—317.

Krupets Ya., Morris J., Nartova N., Omelchenko E., Sabirova G. (2017) Imagining Young Adults' Citizenship in Russia: From Fatalism to Affective Ideas of Belonging. *Journal of Youth Studies*. Vol. 20. No. 2. P. 252—267. <https://doi.org/10.1080/13676261.2016.1206862>.

Pilkington H. (1994) Russia's Youth and Its Culture: A Nation's Constructors and Constructed. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203421116>.

Priečko M. (2015) Between Patriotism and Far-Right Extremism: A Case of Youth Activism in Matica Slovenská. *Ethnologia Actualis*. Vol. 15. No. 1. P. 65—90. <https://doi.org/10.1515/eas-2015-0009>.

Silvan K. (2018) Policy Subjects or Objects? Paradigm Shift in the Youth Policy of Belarus. *Vesnik of Yanka Kupala State University of GrodNo. Series 5. Economics. Sociology. Biology*. Vol. 8. No. 2. P. 87—92.

Silvan K. (2019) Youth Policy Practice in Post-Soviet Russia and Belarus: Past and Present. *Universe of Russia (Mir Rossii)*. Vol. 28. No. 1. P. 161—171.

Wang Zh. (2008) National Humiliation, History Education, and the Politics of Historical Memory: Patriotic Education Campaign in China. *International Studies Quarterly*. Vol. 52. No. 4. P. 783—806. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2008.00526.x>.

Wang Zh. (2014) The Chinese Dream: Concept and Context. *Journal of Chinese Political Science*. Vol. 19. No. 1. P. 1—13. <https://doi.org/10.1007/s11366-013-9272-0>.

Приложение

Описание интервью

Ссылка на интервью с экспертом	Пояснение: направление деятельности эксперта
И1, политика, ЦФО	Руководитель крупной государственной организации, занимающейся разработкой МП на федеральном уровне власти
И2, политика, СЗФО	Председатель государственной организации, занимающейся разработкой и реализацией МП на уровне субъекта РФ
И3, НКО, ЦФО	Заместитель председателя крупного общественного движения волонтерского профиля
И4, политика, ЦФО	Первый заместитель председателя общероссийского молодежного движения, оказывающего весомую роль на разработку и реализацию МП в субъекте РФ (отнесено к сфере «политика» из-за рода деятельности организации)
И5, политика, НКО, УФО	Эксперт является членом регионального консультативно-совещательного органа при государственной организации, а также руководителем регионального штаба молодежной общероссийской организации
И6, политика, ПФО	Руководитель государственной организации, одним из направлений которой является разработка и реализация молодежной политики на уровне субъекта РФ
И7, наука, ЦФО	Эксперт занимала должность проректора, а также является руководительницей одной из исследовательских лабораторий в многопрофильном университете
И8, политика, ПФО	Заместитель министра в субъекта РФ, руководитель государственного органа по МП в субъекте РФ
И9, НКО, ДВФО	Председатель регионального штаба общероссийского молодежного движения
И10, политика, ЮФО	Руководитель отдела муниципальной организации, занимающейся реализацией МП в крупном городе субъекта РФ
И11, наука, СФО	Доцент, сотрудник многопрофильного университета. Сфера научных интересов эксперта связана с молодежным активизмом
И12, НКО, СЗФО	Руководитель НКО, профиль которого связан с волонтерством и исторической памятью
И13, НКО, СЗФО	Председатель регионального штаба общероссийского молодежного движения
И14, наука, УФО	Доцент в многопрофильном университете. Сфера научных интересов эксперта связана с молодежными исследованиями и молодежной политикой
И15, НКО, СФО	Руководитель НКО, профиль которого связан с волонтерством

Ссылка на интервью с экспертом	Пояснение: направление деятельности эксперта
И16, политика, ЦФО	Политический консультант, в т. ч. в сфере молодежной политики
И17, политика, СФО	В 2003—2020 гг. эксперт занимала должность директора муниципального молодежного центра в крупном городе субъекта РФ, на период проведения исследования занимала должность руководителя отдела клубной работы молодежного центра.
И18, наука, ПФО	Доцент в многопрофильном университете. Интересы эксперта связаны с молодежными исследованиями и поколениями
И19, политика, СФО	Руководитель муниципального молодежного центра, начальник отдела по молодежной политике в муниципальной государственной организации
И20, наука, ЦФО	Профессор в гуманитарном университете, сфера научных интересов эксперта связана с социологией детства
И21, НКО, политика, ЦФО	Эксперт имеет опыт работы и руководства региональными департаментами по делам молодежи, в настоящее время руководит федеральным молодежным лагерем